

Юрий Верхолин

МАРГО ИЗ ОНЛИФАНС

Честная история одной матери

Юрий Верхолин

Марго из Онлифанс

<https://litres.ru/73998389>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мне двадцать. Я мать-одиночка. Мой бывший — преподаватель, который исчез после двух полосок на тесте. Я отчислилась из университета, снимаю комнату в панельной пятиэтажке и должна за аренду. Денег нет. Поддержки нет. В холодильнике — хлеб и сыр с трещинами по краям.

Я не хочу жалеть себя. Я хочу зарабатывать.

Я регистрируюсь на платформе для взрослых. Но я не раздеваюсь перед камерой. Я продаю правду. Свои дневники, свои слёзы, свои победы. Мои подписчики платят за то, чтобы смотреть, как я выживаю.

«Марго из Онлифанс» — это откровенная, смешная и горькая история о том, как оказаться на дне и начать подниматься. Без прикрас. Без фильтров. Только жизнь. Только правда. И цена, которую за неё платят.

Содержание

Глава 1. Марго и пустой кошелёк	4
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Юрий Верхолин

Марго из Онлифанс

Глава 1. Марго и пустойкошелёк

Марго проснулась не от звонка будильника, а от вибрации телефона, который, судя по теплоте корпуса, разряжался где-то под подушкой уже третий час. Она не открывала

глаза сразу — слишком хорошо помнила, что сегодня пятое число, а пятое число в её внутреннем календаре было выделено красным не потому, что это была какая-то памятная дата, а потому, что именно пятого числа арендная плата считалась просроченной окончательно, без права на техничную отсрочку. Три дня. Семьдесят два часа. Четыре тысячи триста двадцать минут. Она считала это в уме, ещё не вставая, не открывая глаза, чувствуя, как в груди собирается тяжёлый ком тревоги — не боль, а давящее ощущение, которое приходило каждое утро последние две недели и застревало между рёбрами, мешая выдоху сделаться полным.

Телефон завибрировал снова. Уведомление. Не звонок — звонки с незнакомых номеров она заблокировала месяц назад, но уведомления нужные оставила: от банка, от агентства, от родственников, от подруг... СМС от агентства недвижимости «Городской ключ». Она наконец открыла глаза, и первое, что увидела, — это трещину на потолке, похожую на карту реки, которую она когда-то разглядывала в учебнике географии — тогда, когда ещё ходила на пары и верила, что система образования — это инвестиция, а не аванс, который никто не собирается возвращать.

Пальцы нашли телефон. Экран засветился резким синим светом, и она прищурилась, чувствуя, как зрачки судорожно сужаются. «Задолженность по аренде», — гласила строка. Ни эмоций, ни угроз, просто цифра: минус одиннадцать тысяч восемьсот рублей — её доля за два месяца. Плюс

неустойка. Плюс коммунальные, которые она не платила два месяца, потому что выбор был простым, как арифметика первого класса: или тепло в квартире, или смеси для Бродерика, и Бродерик не умеет голосовать руками, но умеет кричать, когда голоден, а это — единственная избирательная система, которой Марго доверяла в последнее время.

Она положила телефон на грудь, прямо на ту самую тяжесть между рёбрами, и лежала, считая потолочную трещину. Одиннадцать тысяч восемьсот. Плюс пять тысяч девятьсот за второй месяц, который наступит через четыре дня. Плюс коммуналка — три тысячи. Итого почти двадцать одна тысяча. Плюс неустойка. Семьдесят два часа. Она могла бы продать ноутбук — восемь тысяч, если повезёт. Смартфон — пять, максимум шесть. Золотую цепочку, которую мать подарила на восемнадцатилетие и которую Марго никогда не надевала, потому что золото на шее одинокой матери в спальном районе — это не украшение, это приглашение к разговору, который она не хочет вести. Цепочка — может быть, двенадцать тысяч, если сдать в ломбард, но мать узнает, мать всегда узнаёт, и тогда начнётся другой разговор, про правильные решения и неправильную жизнь, и Марго не была уверена, что у неё хватит энергии на этот спектакль.

Бродерик кхе-кхе-кхекнул в углу комнаты, в своей кровати, придвинутой к стене — не плач, а предварительный репетиционный звук, который Марго научилась узнавать за эти три месяца. Она встала, не включая свет, и пошла на кух-

ню, минуя кровать, чтобы успеть приготовить бутылочку до того, как репетиция перерастёт в полноценную постановку.

На кухне пахло застарелым подсолнечным маслом и плесенью под раковиной, которую она видела, но не трогала, потому что плесень — это проблема будущего, а у неё был настоящий момент, плотный и тяжёлый, как тесто, которое она не умела замешивать.

Кухня была общей. Марго снимала не всю квартиру, а одну комнату в трёхкомнатной «трёшке» на четвёртом этаже. В двух других жили её бывшие однокурсницы — они учились вместе на первом курсе, пока Марго не отчислилась. Лена из Хакасии — круглая, румяная, с косами, которые она никогда не распускала. У Лены были широкие скулы и узкие глаза — монголоидные черты, которые она подчёркивала яркой тушью для ресниц и никогда не стеснялась. В их университетской группе Лена была единственной, кто приехал из Сибири — из самой Хакасии, с берегов Енисея, — и она носила свою хакасскую фамилию Кызласова с гордостью, хотя однокурсники коверкали её на переменах.

Лена говорила с мягким сибирским «о» и никогда не лезла с советами. Она просто была рядом. Это было дороже любых денег.

Лена училась на втором курсе филологического факультета — на том же потоке, где раньше училась Марго. Но в отличие от Марго, которая забрала документы после беременности, Лена осталась. Она сдавала сессии, ходила на па-

ры, спорила с преподавателями о постмодернизме и каждую ночь до трёх часов сидела за компьютером. Не из-за учёбы. Из-за игры.

Её страстью была онлайн-игра «Легенды Терры» — многопользовательская RPG с рейтинговыми битвами, гильдиями и эпическими сражениями. Лена играла за эльфийскую лучницу по имени Сайлас, и её персонаж входил в топ-500 сервера. Марго не понимала ни слова из того, что Лена рассказывала про билды, ротации способностей и шмот с рейдовых боссов, но смотрела, как загораются глаза Лены, и верила, что это важно.

Но настоящей одержимостью Лены был косплей. Два раза в год она шила костюмы — из фоамирана, эпоксидной смолы и тканей, которые заказывала с Aliexpress. В её комнате на стене висели доспехи эльфийской лучницы: зелёный плащ с капюшоном, тёмный корсет с вышивкой, наручи с серебряными заклёпками и длинный лук, который Лена вырезала из пенополиуретана и покрасила в чёрно-золотой. Она готовилась к большому конкурсу косплеев в Москве — «Cosplay Fantasy Fest». Подала заявку ещё в январе, прошла отбор, купила билеты на поезд. Соревнование было через три недели.

— Ты поедешь? — спросила её Марго однажды, когда Лена подгоняла налобный обруч с ушами-локаторами.

— Конечно, поеду, — Лена улыбнулась, обнажив немного неровные, но белые зубы. — Я готовилась к этому полгода. Если я не поеду, то кто тогда будет побеждать в номинации

«Лучший женский образ»?

Марго не знала, как Лена совмещает учёбу, подработку в магазине, рейды в игре и шитьё косплей-костюмов. Но Лена совмещала. И никогда не жаловалась. «Ничего, Бро вырастет, и заживём», — говорила она, кивая в сторону кровати Бродерика. «А я выиграю этот конкурс и куплю себе новую видеокарту. Или поеду в Корею на фестиваль».

Юля и Света не понимали Лену. Они называли её игры «детским садом», а косплей — «ряженым цирком». Лена не обижалась. Она просто поднимала одну бровь — по-хакасски широкоую, почти прямую — и говорила: «Каждый ищет своё. Кто-то — смысл жизни в конспектах, а кто-то — в луке для эльфийской лучницы». Юля фыркала. Света делала музыку громче. Лена возвращалась к своему компьютеру — старому, но мощному системному блоку, который гудел кулерами, как взлетающий самолёт.

Юля и Света молчали. Потом начали разговоры на кухне полушепотом, которые резко обрывались, когда Марго входила. Ребёнок плакал по ночам. Юля готовилась к сессии, зубрила уголовное право, и каждый всхлип Бродерика за стеной был для неё личным оскорблением. «Твой орёт, я не могу спать», — говорила она, стоя в дверях, не скрывая злости. Света просто перестала здороваться и включала музыку на полную громкость, будто пыталась перекричать детский плач. Марго не спорила. Она понимала: ребёнок мешает. Но ей некуда было идти.

Молоко. Смесь. Вода. Температура — она проверила на запястье, привычка, выработанная за девяносто два дня материнства. Девяносто два дня назад она ещё думала, что сможет совмещать декрет с заочкой, что отец ребёнка — аспирант, старший преподаватель кафедры социологии, человек с кандидатской степенью и квартирой в центре — поможет, хотя бы финансово, хотя бы морально, хотя бы перестанет отвечать на её сообщения тремя точками.

Однажды, когда Бродерик было семь недель, она решилась. Запеленала его, уложила в коляску, натянула джинсы, которые всё ещё застёгивались на животе, и поехала в университет. С ним. Вместе. В кабинет на пятый этаж, в конец коридора, где висела табличка «Старший преподаватель кафедры социологии Андрей Викторович Пантелеев».

Она постучала. Он сказал: «Войдите». Не поднимая головы, что-то печатал. Дверь за её спиной закрылась с глухим щелчком.

— Андрей Викторович, — сказала она.

Он поднял глаза. И замер. Бродерик спал в коляске — маленький, тёплый, укутанный в клетчатое одеяло. Тишина повисла в кабинете, тяжёлая, как влажное полотенце.

— Марго, — сказал он наконец. — Ты не должна была приезжать. Тем более с... с этим.

— С твоим сыном, — сказала она. — Его зовут Бронислав. Дома Бродерик.

Он встал, подошёл к двери, выглянул в коридор — прове-

ритель, не подслушивает ли кто. Потом вернулся к столу, сел, сжал пальцами переносицу.

— Что тебе нужно? — спросил он устало.

— Помощь, — сказала Марго. — Деньги. Хотя бы на смеси и подгузники. Я не прошу тебя уходить из семьи. Я прошу просто не бросать нас.

Он молчал долго. Секунд двадцать, может быть, тридцать. Потом открыл ящик стола, достал конверт, положил на стол.

— Здесь десять тысяч, — сказал он. — Это всё, что я могу. И больше не приезжай. Ни сюда, ни куда-либо ещё. Если кто-то узнает... ты понимаешь, моя репутация...

Марго не взяла конверт. Она смотрела на него и чувствовала, как внутри что-то обрывается. Не надежда — она уже ушла. Что-то другое, последнее.

— Я не за репутацию тебя любила, — сказала она тихо.

Она развернулась и вышла, толкая коляску перед собой. В коридоре она остановилась, перевела дыхание. Потом спустилась по лестнице, села на автобус и всю дорогу молчала, глядя в окно.

Через два часа она написала ему: «Андрей Викторович, пожалуйста, не бросай нас». Он прочитал — появилась галочка. Потом ещё одна. Потом он заблокировал её везде. В телефоне, в соцсетях, в мессенджерах. Не сказав ни слова. Просто исчез.

Сидя в автобусе, глядя на мокрые улицы, Марго невольно вернулась в прошлое — туда, где всё только начиналось.

Год назад она сидела на третьем ряду лекционного потока и впервые увидела его. Андрей Викторович, тридцать восемь лет, доцент кафедры социологии, в твидовом пиджаке с кожаными заплатками на локтях — она тогда ещё не знала, что заплатки эти не ирония, а необходимость, потому что он закусывал ручку, когда волновался, и протирал локти о стол. Он читал лекцию про социальные лифты и говорил голосом, который был ровно на полтона ниже того, к которому привыкли студенты. Этот голос заставлял наклоняться вперёд, слушать, не дышать. Марго слушала, записывала, думала, что вот оно — образование, взрослая жизнь, люди, которые знают, как устроен мир.

После пары она подошла с вопросом про стратификацию. Он ответил, улыбнулся — в улыбке было что-то мальчишеское, неожиданное для человека с кандидатской степенью — и сказал: «У вас хороший вопрос. Редкий. Приходите на консультацию, если захотите поговорить дальше».

Она пришла. Потом ещё раз. Потом они пили кофе в университетской столовой, потом в кафе за углом. В какой-то из встреч он увидел у неё в сумке потрёпанную тетрадь. Марго покраснела, попыталась спрятать, но он успел спросить: «Что это?»

— Черновик, — ответила она. — Я пишу роман. «Вид с седьмого этажа».

Он попросил прочитать. Она долго отказывалась, но потом дала. Через два дня он вернул тетрадь и сказал: «Ты та-

лантлива, Марго. Не бросай это. Такие тексты нельзя закапывать в стол».

С этого момента между ними возникло что-то большее, чем просто симпатия. Он хвалил её сцены, спорил о персонажах, предлагал переписать диалоги. Марго чувствовала себя настоящей писательницей. Он единственный верил в неё — больше, чем мать, больше, чем подруги. И она влюбилась.

Первая интимная встреча случилась после третьего месяца знакомства. Он приехал к ней в общагу, когда соседки уехали на выходные. Соседки уехали в пятницу вечером: Юля — к родителям в Подмосковье, Света — к парню, Лена — в Хакасию на каникулы. Комната на четверых вдруг стала только их.

Марго помнила этот вечер в мельчайших деталях: запах его одеколона — древесный, с нотками табака; скрип двери, которую он закрыл на щеколду; его пальцы, расстёгивающие пуговицы её рубашки. Она дрожала — не от холода, а от напряжения, от того, что это происходило на самом деле.

Он был осторожен, но настойчив. Его ладони скользили по её спине, губы — по шее, и она закрывала глаза, чтобы не видеть потолок общаги с жёлтыми разводами. Кровать — старая, советская, с металлической сеткой — скрипела и тряслась в такт их движениям. Сетка стонала, пружины выли, подушка сползла на пол. Марго вцепилась в простыню, чтобы не закричать. А он шепнул: «Не думай о них. Думай обо мне».

Она думала. Она старалась думать только о нём, о том, как его руки сжимают её талию, как его дыхание сбивается, как он произносит её имя — «Марго», — и в этом имени было что-то новое, взрослое, почти запретное.

После он лежал на спине, глядя в потолок, и молчал. Она ждала слов — «было хорошо», «ты удивительная», «давай повторим». Вместо этого он спросил: «Ты приняла душ? Запах останется». Она кивнула, хотя внутри что-то оборвалось. Потом, уже в душевой, стоя под горячей водой, она плакала, но убеждала себя, что это от счастья.

Они встречались ещё несколько раз — всегда по его инициативе, всегда в местах, где никто из университета не мог их увидеть. Вторая встреча, яркая — в его машине, на парковке у торгового центра, тесно и неудобно, но он сказал, что так «безопаснее». Третья — снова в общаге, когда Юля уехала к родителям, а Света задержалась в библиотеке. Кровать тряслась так сильно, что с полки упала стопка книг. Марго смущалась, а он засмеялся — сухо, без тепла — и сказал: «Ничего, зато запомнишь на всю жизнь». Она запомнила. Не только грохот падающих книг, но и то, как быстро он оделся после, как проверил телефон, как сказал: «Мне пора, жена ждёт».

Она не задавала вопросов. Она не хотела портить иллюзию.

Через два месяца тест показал две полоски. Она не поверила, переделала, купила другой тест, третий, самый доро-

гой из аптеки. Две полоски. Всегда две. Она позвонила ему в перерыве между парами, голос дрожал, но она старалась говорить спокойно, как в кино: «Андрей Викторович, мне нужно с вами встретиться».

Он встретил её у метро, в тёмных очках, хотя солнца не было, и вёл машину так, будто за ними следили. Она сказала. Он не побледнел, не всплеснул руками. Он посмотрел на дорогу, потом на неё и сказал тихо, почти ласково: «Марго, это решаемо. Я знаю клинику. Анонимно. Быстро. Ты ничего не потеряешь».

«А если я не хочу решать?» — спросила она.

Он сделал музыку тише. Повернулся к ней всем телом. И сказал то, что она запомнила навсегда: «Марго, посмотри на меня. Я люблю тебя. Но я не брошу жену. У меня дети. У меня кафедра. У меня репутация. Ты для меня — свет в окне, но окно должно быть закрыто, чтобы не дуло. Если ты родишь, твоя жизнь закончится. Моя — тоже. Ты этого хочешь? Два трупа вместо одного ребёнка?»

Она не ответила. Вышла из машины на красный свет, хлопнула дверь и пошла по переходу, не смотря на сигналы. Он не поехал за ней. Через два дня она написала заявление об отчислении по собственному желанию. Декан вздохнул, сказал «жаль», но в глазах было облегчение. Андрей Викторович продолжал читать лекции. Его твидовый пиджак мелькал в коридорах, и Марго, забирая документы, видела его издалека. Он смотрел сквозь неё, как сквозь стекло витрины.

Она родила одна, в муниципальном роддоме. Назвала сына Брониславом — в честь прадеда, о котором мать рассказывала, что тот прошёл войну и ни разу не пожаловался. Со-кращённо — Бродерик. Так получилось само собой, из-за того, как он кряхтел в первые дни: «Бро-бро-бро», как маленький зверёк. Бродерик. Смешное имя для тяжёлой жизни.

Автобус дёрнулся, и Марго вернулась в настоящее. Она вышла на своей остановке, толкая коляску перед собой. Поднялась на пятый этаж панельной пятиэтажки, открыла дверь ключом, вошла в прихожую. В квартире было тихо — Юля и Света были на парах, Лена — в библиотеке. Только холодильник гудел на кухне.

Марго переделалась, расстегнула куртку, сняла кеды. Бродерик проснулся и захныкал. Она достала бутылочку, насыпала смесь, залила водой — привычные движения, доведённые до автоматизма. Пока грелась вода, она укачивала его на руках, ходила по кухне взад-вперёд, мимо старой трещины на потолке, мимо плесени под раковиной. Пахло застарелым маслом и сыростью.

— Ничего, Бро, — сказала она шёпотом. — Ничего, маленький. Мы справимся.

Но сама она в это уже не верила.

Бродерик пил молочную смесь, глядя на неё широко открытыми глазами — серыми, как у отца. Марго думала о том, что генетика — это жестокая шутка, потому что она бы предпочла, чтобы ребёнок унаследовал хотя бы что-то полезное,

например, способность исчезать без объяснений или умение говорить красивые слова, за которыми не стоит ничего. Но Бродерик был просто маленьким человеком, тёплым и тяжёлым, и его присутствие в этой квартире было единственным доказательством того, что последние девять месяцев не были галлюцинацией.

Она посадила его на колени и достала телефон. На экране высветилось новое уведомление — не от банка, от агентства недвижимости. Она открыла его, и знакомый сухой текст ударил по глазам. «Уважаемая Маргарита Викторовна, напоминаем, что согласно п. 4.3 договора аренды, просрочка платежа свыше 60 дней является основанием для одностороннего расторжения...» Она не дочитала. Впрочем, она и так знала этот текст наизусть — перечитывала договор аренды три ночи назад, когда не могла уснуть, потому что Бродерик резался зубами. Мир тогда сужался до размеров этой кухни, этого смартфона, этого абзаца с юридическим языком, который звучал как диагноз.

Семьдесят два часа. Она могла позвонить матери. Эльвира Владимировна, руководитель благотворительного фонда «Поддержка матерей», человек, который спасал чужих детей по всей стране, но который, когда речь заходила о собственной дочери, переходил на язык чеков и правильных фраз. Марго представляла этот разговор: мать бы вздохнула, сказала «Марго, я же предупреждала», потом перевела бы деньги — не сразу, а через два дня, потому что у Эльвиры Владими-

ровны всегда были встречи, совещания, важные звонки — и эти два дня Марго провела бы в состоянии подвешенности, считая минуты, чувствуя себя должником не перед банком, а перед собственной матерью, которая никогда не требовала расписки, но всегда получала её, словно по невидимому договору, подписанному в роддоме.

Бродерик закончил бутылочку. Она подняла его на плечо, постучала по спинке, слушая, как воздух выходит из крошечного желудка, и думала о том, что материнство — это сплошная математика: столько-то миллилитров, столько-то граммов, столько-то часов сна, столько-то рублей в минус. Никто не говорил ей об этом. В фильмах молодые матери плакали красиво, держали детей на фоне закатов, а потом находили работу в кафе или становились писательницами. Никто не показывал счета за воду, никто не объяснял, что закат бесплатен, а подгузники — нет.

Телефон звонил. Неизвестный номер. Она отклонила. Звонил снова. Отклонила. Третий раз — и тогда она поняла, что это агентство, потому что только коллекторы и риэлторы звонят с таким упрямством, с такой уверенностью в своём праве на чужое время.

— Алло, — сказала она, не поднимая Бродерика с плеча.

— Маргарита Викторовна? — женский голос, сухой, без интонаций, как распечатка из принтера. — Людмила Игнатьевна, агентство «Городской ключ». Вы получили наше уведомление?

— Получила.

— Отлично. Тогда вы в курсе. У нас назначена встреча с арендодателем в четверг, десять утра. Вы присутствуете?

Марго посмотрела на часы. Среда. Значит, завтра. Семьдесят два часа сокращались до двадцати четырёх.

— Я присутствую, — сказала она, хотя не знала, зачем. Что она могла сказать арендодателю? Что у неё нет денег, но есть ребёнок, и это должно что-то значить? Что она отчислилась из вуза, потому что пропустила сессию, сидя с новорождённым, и теперь не может устроиться на нормальную работу, потому что Бродерик нужен каждые три часа, и няня стоит больше, чем она зарабатывает?

— Хорошо, — Людмила Игнатьевна не спросила, как дела, не поинтересовалась, есть ли у Марго план. Она просто зафиксировала факт присутствия, как врач фиксирует пульс. — Адрес нашего офиса вы знаете. Десять утра. Не опаздывайте, собственник ценит пунктуальность.

Линия оборвалась. Марго посмотрела на телефон, потом на Бродерика, который уже засыпал на её плече, рот приоткрыт, ресницы — длинные, как у куклы, — дрожали от сна. Она аккуратно положила его в кроватку, придвинула бортик, вышла на кухню и открыла холодильник. Хлеб. Сыр, который уже начинал трескаться по краям. Яйцо одно. Она посчитала: завтрак — двадцать рублей. Обед — если сварить кашу — пятнадцать. Ужин — хлеб с маслом — десять. Сорок пять рублей на день. Умножить на тридцать — тысяча

триста пятьдесят. Плюс смеси, плюс подгузники, плюс вода, плюс свет. Минус одиннадцать тысяч восемьсот аренды. Минус будущее, которое она не могла посчитать, потому что в его формуле было слишком много неизвестных.

Она ела хлеб с маслом, стоя у окна. За окном был типичный двор спального района: панельки, как коробки из-под обуви, сложенные друг на друга; детская площадка с одной качелей и разбитой горкой; припаркованные машины, покрытые пылью апрельских дождей. Где-то кричала ворона — хрипло, надрывно, как будто её никто не слышал. Где-то гудел лифт — тот самый, в котором она застряла на седьмом месяце беременности, и тогда ей казалось, что это худшее, что может случиться. Теперь она знала: худшее — это не лифт. Худшее — это когда лифт приходит, а выхода всё равно нет.

Она доела хлеб, вымыла кружку и вернулась в комнату. Бродерик спал. На часах было около полудня. Впереди — целый день среды до завтрашней встречи.

Она села на край дивана, взяла с полки потрёпанный роман — тот самый, который читала на первом курсе. Открыла на середине, пробежала глазами страницу, другую. Слова не складывались в картинки. Мысли возвращались к завтрашнему дню, к Людмиле Игнатьевне, к цифрам долга. Она закрыла книгу и отложила в сторону.

Потом достала ноутбук. Открыла свой старый черновик — «Вид с седьмого этажа». Алиса стояла на балконе, курила

и смотрела на ночной город. Марго перечитала первую главу, потом вторую. Ей показалось, что текст чужой, написанный кем-то другим. Другой девочкой, которая верила в чудеса. Марго хотела добавить новую сцену, но пальцы замерли над клавиатурой. Слова не шли. Она закрыла ноутбук.

Бродерик проснулся. Она покормила его, перепеленала, посадила в коляску и выкатила в коридор — просто покатать взад-вперёд, чтобы он не плакал. Лена вышла из своей комнаты, на ходу поправляя эльфийские уши от косплей-костюма.

— Ты сегодня какая-то сама не своя, — сказала Лена.

— Завтра к риэлтору, — ответила Марго. — Долг. Неустойка. Выселение.

Лена помолчала, потом кивнула.

— Я помогу. Чем смогу.

Марго хотела спросить, чем именно, но не стала. Боялась надеяться.

Остаток дня тянулся медленно. Марго кормила Бродерика, укачивала, меняла подгузники. Снова кормила. Снова укачивала. Она перечитала старые записи в дневнике — короткие, отрывистые фразы, которые писала ночами. «Сегодня Бродерик улыбнулся. Я чуть не заплакала». «Юля сказала, что я позорю нашу комнату. Лена заступилась». «Денег нет. Скоро выселят». Она закрыла дневник и спрятала его под подушку.

Вечером, когда Бродерик наконец уснул, Марго сидела на

кухне и смотрела в окно. За стеклом темнело апрельское небо. В одиннадцать часов она лежала на диване, укрылась пледом и долго не могла уснуть. Сон не шёл. Она думала о деньгах, о долге, о матери, о Лене, о том, что завтра скажет Людмиле Игнатьевне. Ответа не было. Только тишина и гул холодильника.

Она уснула под утро, когда Бродерик заплакал в четвёртый раз. Покормила его, укачала, прилегла рядом. А когда открыла глаза — за окном уже серело апрельское утро.

Четверг.

Она встала, на цыпочках прошла на кухню, заварила остатки чая. Бродерик ещё спал. Оделась — чёрные брюки, белая рубашка, кеды, куртка. Проверила сумку: подгузники, смесь, термос с водой. Всё на месте.

Офис «Городского ключа» находился в десяти минутах ходьбы от метро, в переоборудованной однокомнатной квартире первого этажа, где стены были выкрашены в цвет, который пытался казаться бежевым, но на самом деле был цветом старой повязки. Марго пришла за десять минут до назначенного времени, потому что опоздание — это дополнительная точка в чужом портфолио, а она не хотела давать Людмиле Игнатьевне ещё одну причину говорить о ней в минорном ключе. Бродерик был в коляске, укутан в одеяло, хотя на улице было тепло, но она боялась сквозняков, боялась всего, что могло превратиться в простуду, а простуда — в температуру, а температура — в вызов скорой, который стоил две тысячи,

если оказывался ложным.

Людмила Игнатъевна сидела за столом, который занимал половину комнаты, и не подняла глаз, когда Марго вошла. Она что-то печатала, и звук клавиш был единственным звуком в комнате — никакой фоновой музыки, никакого журнального шума, только стук по пластику, ритмичный, как метроном.

— Маргарита Викторовна, — сказала Людмила Игнатъевна, не вопрос, а констатация. — Садитесь.

Стул был пластиковый, холодный. Марго села, положив сумку на колени — в сумке было всё необходимое для двухчасового отсутствия: подгузники, смесь, термос с водой, запасная майка на случай погоды. Она чувствовала вес сумки на коленях как якорь, как напоминание о том, что она уже не может позволить себе лёгкость ни в одном движении.

— У собственника нет времени, — Людмила Игнатъевна наконец подняла глаза. Они были серыми, без ресниц, как у рыбы, которую Марго видела в детстве на прилавке — мёртвой, но ещё влажной. — Он делегировал мне полномочия. Значит так. Долг: одиннадцать тысяч восемьсот. Неустойка: восемь процентов за каждый день просрочки, начиная с сегодняшнего. Коммунальные: три двести. Итого... — она посмотрела на листок, — почти двадцать одна тысяча. Плюс штраф за просрочку — ещё три. Двадцать четыре. Округлим до двадцати пяти, чтобы не мелочиться.

Марго сжала ручку сумки. Двадцать пять тысяч. Это было

больше, чем она представляла. Это было число, которое не лезло в её карман, в её кошелёк, в её жизнь.

— У меня нет этой суммы, — сказала она, и голос прозвучал ровно, без дрожи, что удивило её саму. — Я могу предложить график.

— График? — Людмила Игнатьевна улыбнулась, но улыбка была технической, как улыбка кассира, который уже знает, что сдачи не будет. — Маргарита Викторовна, вы просрочили два месяца. Собственник — человек занятой, у него четыре объекта в этом районе. Он не кредитный союз, он не банк. Он не работает с графиками.

— Я могу платить по пять тысяч ежемесячно, — Марго говорила, не глядя на Людмилу Игнатьевну, а смотря на цифры в блокноте, который лежал на столе агентства. — Пять тысяч плюс текущая аренда. Это почти одиннадцать в месяц. За два месяца я закрою долг.

— А текущий месяц? — Людмила Игнатьевна откинулась на спинку кресла. — Вы же понимаете, что завтра первое число нового месяца? И у вас снова будет пять тысяч девятьсот аренды. Плюс ваши пять тысяч в счёт долга. Итого почти одиннадцать тысяч в месяц вместо шести. Вы предлагаете мне сказать собственнику, что вы будете платить почти вдвое больше?

— Я предлагаю не выселять меня через три дня, — Марго подняла глаза. — У меня ребёнок. Младенец.

Она ненавидела эти слова, ненавидела использовать Бро-

дерика как аргумент, но это было единственное, что у неё осталось — не деньги, не связи, не диплом, только факт существования этого маленького человека, который спал в коляске у её ног, не подозревая, что его присутствие сейчас является предметом торга.

Людмила Игнатъевна посмотрела на коляску. Взгляд был быстрым, оценивающим, как взгляд эксперта на антикварном рынке.

— Ребёнок — не аргумент, — сказала она спокойно. — Это обстоятельство. Обстоятельства в договоре не прописаны. В договоре прописаны цифры. И цифры говорят: либо двадцать пять тысяч до пятницы, либо мы подаём в суд на выселение. Судебный приказ — две недели. Или вы сами освобождаете квартиру до пятницы, и мы забираем ключи без суда. В этом случае неустойка аннулируется, и вы остаётесь должны только одиннадцать восьмьсот. Что, в общем-то, тоже немало, но хотя бы без исполнительной надписи в документе.

Марго почувствовала, как напряглись мышцы челюсти. Она сознательно разжала зубы, помня, что стоматолог стоит дорого, а скрип зубов ночью — это первый признак того, что тревога перерастает в хронику.

— Я не могу найти двадцать пять тысяч за два дня.

— Тогда у вас есть выбор, — Людмила Игнатъевна открыла ящик стола, достала оттуда листок. — Заявление на добровольное освобождение. Подпишите, и мы аннулируем

неустойку. Или не подписывайте, и мы встретимся в суде. В суде, кстати, вам придётся платить и за наших юристов тоже. Я бы посчитала.

Марго взяла листок. Бумага была тонкой, с печатью агентства в углу. Текст был напечатан мелким шрифтом, но суть была проста: я, Маргарита Викторовна, добровольно отказываюсь от права на жильё, признаю задолженность, обязуюсь освободить помещение до...

Она положила листок на стол.

— Я подумаю, — сказала она.

— Думайте быстро, — Людмила Игнатьевна уже смотрела на экран монитора, разговор для неё был окончен. — Пятница, до шестнадцати ноль-ноль. Потом мы обращаемся в суд.

Марго поднялась. Колени затекли от неудобной позы, от веса сумки, от чего-то ещё, что она не могла назвать. Она вышла на улицу, толкнув коляску через высокий порог, который, очевидно, никто не думал делать доступным для колясок, потому что в этом офисе не ждали матерей с младенцами — здесь ждали платежеспособных клиентов, а она больше не была клиентом, она была задолженностью.

На улице было тепло, но она дрожала. Бродерик проснулся и начал капризничать — не плакать, а издавать те самые предварительные звуки, которые означали, что через пять минут начнётся серьёзно. Она достала бутылочку, наклонилась над коляской, кормя его прямо на тротуаре, под окнами агентства, не обращая внимания на прохожих. Пусть смот-

рят. Пусть думают, что она бездельница, что ей некуда спешить. Она не могла позволить себе роскошь стеснения — стеснение стоит энергии, а энергия сейчас была валютой дефицита.

Телефон в кармане завибрировал. Сообщение от матери. «Марго, я сегодня в городе. Гала-ужин фонда в шесть. Могу заехать к четырём. Нужно что-то?»

Она смотрела на экран, пока Бродерик пил. «Нужно что-то?» — как будто это был вопрос о продуктовой корзине, а не о жизни. Как будто мать могла заехать, как заезжают курьеры, с пакетом решений, с чеком на нужную сумму, с правильными советами, которые всегда начинались со слова «надо».

Марго ответила: «Заезжай». Потом добавила: «Но не надо ничего покупать. Просто заезжай».

Она не верила, что мать приедет без покупок. Эльвира Владимировна не умела приезжать пустыми — это противоречило её природе, её роли спасателя, её имиджу человека, который всегда даёт больше, чем просят. Марго знала: мать привезёт что-то дорогое, непрактичное, что-то, что будет пахнуть фирменными магазинами и чужими интересами. И это «что-то» станет ещё одним слоем между ними, ещё одной стеной из вещей, за которыми не видно было настоящей жизни.

Эльвира Владимировна приехала в четыре с четвертью, в чёрном «Мерседесе», который она не водила сама — у неё

был водитель, молодой парень в белой рубашке, который открыл дверь, как будто это был не подъезд панельного дома, а красная дорожка. Мать вышла, одетая в пальто цвета слоновой кости, шёлковый шарф — бордовый, с золотой нитью — развевался на ветру, хотя ветра почти не было. Она была высокой, статной, с причёской, которая стоила, наверное, половины месячной аренды Марго, и в первое мгновение Марго почувствовала то же, что всегда чувствовала при встрече с матерью: смесь гордости и желания спрятаться, желания быть похожей и страха, что похожесть — это маска, под которой пустота.

— Марго, детка, — Эльвира Владимировна поцеловала её в щёку, оставив след помады, который Марго не стала вытирать. — Ты такая бледная. Ты спишь?

— Сплю, — Марго взяла сумку из рук матери — тяжёлую, как всегда, набитую, как всегда, чем-то, что требовало аккуратного обращения. — Заходи.

Квартира, которая казалась Марго тесной, но уютной, в присутствии матери вдруг обнажила все свои недостатки: трещина на потолке, плесень под раковиной, запах старого масла, детская кровать, поставленная в гостиной, потому что отдельная комната — роскошь, которую она не могла себе позволить. Эльвира Владимировна оглядела всё это одним взглядом — не осуждающим, нет, она никогда не осуждала, она просто фиксировала, как врач фиксирует симптомы, чтобы потом поставить диагноз и назначить лечение.

— Ты здесь одна? — спросила мать, снимая перчатки.

— С Бродериком.

— Я вижу Бродерика. Я имею в виду — с женщиной? С кем-то?

— Одна, — Марго поставила сумку на стол. — Как и вчера. Как и месяц назад.

Эльвира Владимировна кивнула, и в этом кивке было всё: понимание, сожаление, лёгкое раздражение от того, что дочь не последовала совету, который мать, несомненно, давала — совету «не связывайся», «подумай о карьере», «время покажет». Время показало. Время показало панельку, трещину на потолке и долг в одиннадцать тысяч восемьсот.

— Я привезла тебе кое-что, — мать открыла сумку. — Подгузники, пачку, большие, на месяц. Смесь, ту, что ты просила. Две банки детского пюре — Бродерик у на пробу. И гречку, и макароны — чтобы у тебя в холодильнике не было пусто. Ты же не успеваешь готовить с ребёнком. И ещё...

Она достала коробку. Белую, с логотипом бутика детской одежды, в котором Марго никогда не была, потому что один боди оттуда стоил как недельный запас смесей.

— Для Бродерика, — сказала мать. — Шёлковый комбинезон. На выход. И пинетки. Ручная работа, я заказывала у мастерицы из Питера.

Марго посмотрела на коробку. Шёлковый комбинезон. Для трёхмесячного ребёнка, который сейчас спал в хлопковом боди из супермаркета, стоившем триста девяносто де-

вать рублей по акции. Шёлк. Ручная работа. Выход.

— Мам, — сказала она, и голос прозвучал тише, чем она хотела. — Мне не нужен шёлковый комбинезон. Мне нужны деньги на аренду.

Эльвира Владимировна замерла, рука с коробкой застыла в воздухе.

— Сколько? — спросила она, и тон был деловой, как на совете директоров.

— Одиннадцать тысяч восемьсот долга за два месяца. Плюс коммуналка — три. Плюс неустойка. Двадцать четыре, если до пятницы.

— Пятница? — мать поставила коробку на стол, поверх других коробок. — Это два дня.

— Два дня.

— Марго, — Эльвира Владимировна села на стул, скрестив руки на коленях — поза, которую она занимала на важных встречах, когда нужно было сказать что-то неприятное, но необходимое. — Ты понимаешь, что я не могу просто взять и дать тебе двадцать четыре тысячи? У меня фонд. У меня отчётность. У меня доноры, которые следят за каждым рублём. Я не могу переводить личные деньги на твою аренду, это...

— Это что? — Марго стояла у окна, спиной к матери. — Незаконно? Неправильно? Не по протоколу?

— Это непрозрачно, — мать говорила ровно, без повышения тона. — Я могу помочь тебе через фонд. У нас есть

программа поддержки молодых матерей. Но тебе придётся оформиться, пройти собеседование, подтвердить статус...

— Я твоя дочь, — Марго обернулась. — Я не прошу благотворительность. Я прошу помощь.

— И я помогаю, — Эльвира Владимировна встала, подошла к ней, положила руку на плечо. Рука была тёплой, но лёгкой, как шёлковый шарф, который она носила на шее. — Но помощь должна быть правильной. Структурированной. Ты не можешь просто жить вот так, без плана, без работы, без мужа. Ты должна понимать, что я не могу финансировать хаос.

Марго посмотрела на руку матери. Маникюр. Идеальный, розовый, с логотипом...

Мать уехала на гала-ужин. Марго осталась одна. Бродерик спал. Она сидела на кухне, смотрела в окно на панельки, на мокрые качели, на ворону, которая кричала так, будто её кто-то душил. И листала телефон. Снова и снова. Вакансии. Отказы. Требования. Образование. Опыт. Рекомендации. У неё ничего этого не было.

Она случайно наткнулась на статью. «Как девушки зарабатывают миллионы на платформах для взрослых». Марго замерла. Слово «OnlyFans» она слышала мельком — что-то про инстаграм-моделей и бывших актрис. Она прочитала статью целиком. Кто-то продавал фото, кто-то — видео, кто-то — просто разговоры. Платформа брала комиссию, но деньги капали настоящие.

Марго закрыла статью. Открыла снова. Потом зашла на сайт OnlyFans. Там было всё: девушки в белье, девушки без белья, пары, сольные выступления. Она смотрела на их счастливые лица и думала: «А я смогла бы?» Смогла бы раздеться перед камерой? Смогла бы улыбаться, пока внутри всё сжимается от страха? Тело у неё было ещё ничего — не зацелованное, не растрёпанное декретом. Но она представила реакцию матери. «Марго, ты опустилась на дно. Ты позоришь фамилию». Представила реакцию Юли — та бы облила её грязью на всю общагу. Представила реакцию её бывшего преподавателя, отца Бродерика, этого похотливого лузера, который предложил ей сделать аборт, а сам исчез, — он бы сделал вид, что никогда её не знал.

Она закрыла сайт. Легла на диван, глядя в трещину на потолке. Потом открыла снова. И увидела раздел, которого не ждала. «Текстовые подписки. Дневники. Сторителлинг. Люди платят за честные истории». Марго села. Её сердце забило быстрее. Текстовые подписки. Она умела писать. Она мечтала написать книгу. У неё был черновик романа и кипа дневников. Может, это не нужно было выбрасывать? Может, это был не мусор, а капитал?

Она зарегистрировалась на платформе OnlyFans. Заполнила анкету, подтвердила личность, привязала карту. В графе «О себе» написала: «Я мать-одиночка. Мне 20. Я умею писать честные тексты. Я не буду раздеваться. Я буду рассказывать правду». И добавила мысленно: «И я больше не хочу

бояться».

Она решила, что начнёт завтра. С первого поста. Дерзко-го. Честного. Без фильтров. Мать ничего не узнает. Ни сегодня, ни завтра. Может быть, никогда.

В четыре часа дня раздался звонок в дверь — не резкий, а музыкальный, с паузой между сигналами. Марго не ждала гостей. Она взяла Бродерика на руки и посмотрела в глазок.

На лестничной клетке стоял мужчина лет шестидесяти, с чемоданом на колёсиках и тростью, которую он держал не как опору, а как дирижёрскую палочку — на весу, с достоинством. На нём был старый, но чистый плащ, кепка, надвинутая на глаза, и улыбка, которую Марго знала с детства.

Она открыла дверь. Бродерик заворочался.

— Папа? — сказала она.

Виктор Петрович поставил чемодан, отсалютовал тростью:

— Представление начинается. Зритель в зале? — он заглянул в квартиру, кивнул собственному отражению в мутном коридорном зеркале. — Или аншлаг ещё не собрали?

Из комнаты выглянула Юля, окинула Виктора Петровича презрительным взглядом и снова закрыла дверь. Лена, наоборот, вышла, улыбнулась, поздоровалась. «Здравствуйте, Виктор Петрович, Марго много о вас рассказывала». Отец галантно поцеловал ей руку — по-старомодному, по-цирко-вому — и Лена засмеялась. Первый смех в этой квартире за долгое время.

Когда они остались вдвоём, Марго спросила:

— Как ты узнал адрес?

— Эльвира сказала. — Виктор Петрович прошёл в комнату, огляделся, хмыкнул. — Позвонила вчера. Сказала: «Твоя дочь вылетает из гнезда. Если ты вообще отец, приезжай». Я вообще отец. Вот, приехал.

Марго впустила отца, закрыла дверь и прислонилась к косяку лбом. Мать позвонила отцу. Мать, которая двадцать лет делала вид, что Виктора Петровича не существует — с тех пор, как он ушёл, когда Марго была ещё младенцем, — сама открыла эту дверь. Потому что не могла открыть свою. Марго не помнила отца. Только по фотографиям, которые случайно нашла в материнском альбоме. И вот он стоял перед ней — постаревший, с тростью, но с той же улыбкой, что на старых снимках.

Виктор Петрович склонился над коляской, где Бродерик открыл глаза и смотрел на незнакомца с подозрением.

— Здравствуй, Бронислав, — сказал отец серьёзно, как взрослому. — Я твой дед. Виктор Петрович. Фамилию пока не спрашивай, мы её в цирке потеряли. Это пройдёт.

Бродерик моргнул. И улыбнулся — беззубой, дёсенной улыбкой. Виктор Петрович замер.

— Зал аплодирует стоя, — сказал он тихо. — Так, Марго. У нас есть два дня на выселение? Рассказывай, что играем.

Они сидели на кухне. Бродерик спал в кровати. Отец пил чай — чёрный, крепкий, с тремя ложками сахара — и слу-

шал. Марго рассказала всё. Про долг, про риэлтора, про соседок, про канал, который она зарегистрировала вчера на OnlyFans, но не знает, что туда писать.

Виктор Петрович отставил чашку. Его лицо, изрезанное морщинами, стало серьёзным.

— Я буду помогать, — сказал он. — С Бродериком, пока ты ищешь работу. И с арендой — немного, но смогу. Пенсия у меня небольшая, артисты цирка рано на пенсию выходят, но хватит, чтобы ты не боялась каждого первого числа. Я много лет был в отъезде, в цирках по всей стране. Теперь осел. Пора навёрстывать.

Марго хотела возразить, но он поднял руку.

— Не отказывайся. Я не предлагаю тебе лёгкую жизнь. Я предлагаю тебе опору. Ты справишься, я знаю. Но иногда и опора нужна, чтобы не упасть.

— Ты сделала первый шаг, — сказал Виктор Петрович. — Теперь второй. Сценическая правда. Ты выходишь на сцену и не врёшь. Ты ведёшь себя так, как если бы ты была сильной. Как если бы у тебя был план. Как если бы ты уже победила. Зритель чувствует это.

— То есть притворяться?

— Нет. Создать образ. Не ложь. Образ. Разница в том, что ложь — это когда ты надеваешь маску и думаешь «я не такая». А образ — это когда ты надеваешь маску и говорит себе «я сейчас такая». Ты можешь быть слабой в реале. Но в

канале ты — женщина, которая выживает. Которая не сдаётся. И если ты сыграешь это достаточно честно, люди поверят. А потом, Марго, ты сама начнёшь в это верить.

Она молчала. Из коридора донёсся голос Юли: «Света, сделай тише, у меня голова болит!» В ответ из комнаты Светы музыка зазвучала ещё громче — назло, демонстративно. Лена крикнула: «Света, убавь громкость! Человек пришёл!»

Виктор Петрович посмотрел на дверь, потом на Марго: — Это твой закулисный шум. Не обращай внимания. Сцена не терпит суеты.

Она написала первый пост в три часа ночи. Не так, как хотел отец — ярко. Она написала, как умела.

«Меня зовут Марго. Мне 20. Полгода назад я забеременела от женатого преподавателя. Он предложил аборт. Я отказалась. Он исчез. Я отчислилась. Сейчас я снимаю комнату в трёхкомнатной квартире с тремя бывшими однокурсницами. Две меня ненавидят за то, что мой сын плачет по ночам. Одна осталась. Её зовут Лена, она из Хакасии, и без неё я бы уже сошла с ума. У меня нет денег на аренду. Сегодня была встреча с риэлтором. Мне дали два дня. У меня есть трёхмесячный Бродерик, пачка дешёвых подгузников и один кусок хлеба. Я не знаю, что делать. Но я знаю, что не хочу врать. Я хочу рассказывать, как это — быть на дне. Без фильтров. Если вам это интересно — подпишитесь».

Она добавила фото: себя уставшую, без макияжа, Бродерика у неё на груди. Сделала пост платным — двести рублей

в месяц. Не двадцать. Двести. Потому что она поняла: дешёвый контент привлекает дешёвую аудиторию. А ей нужны были не подачки. Ей нужен был бизнес.

Она нажала «Опубликовать». Экран погас. Тишина. Только гул холодильника и чьи-то шаги за стеной — Лена встала попить воды.

— Ну что? — спросил отец из коридора.

— Ноль просмотров. Ноль донатов.

— Зал только рассаживается. Увертюра, артистка. Увертюра.

Марго легла на диван, подтянула колени к животу. Она вспомнила свой дневник. Вспомнила черновик романа «Вид с седьмого этажа». Алиса никогда бы не сдалась. Алиса бы открыла платформу OnlyFans, написала бы дерзкий пост и пошла бы вперёд. Марго закрыла глаза и сказала себе: «Я — Алиса. Я справлюсь».

Утром она проснулась от будильника. Бродерик ещё спал. Телефон показывал семь утра. Она открыла платформу OnlyFans.

Сорок три подписчика.

Сорок три человека заплатили по двести рублей. Восемь тысяч шестьсот рублей. Плюс несколько донатов — почти десять тысяч.

На подгузники. На хлеб. На первый взнос по долгу.

Марго села на диване, обхватив колени руками. Не плакала. Смотрела на цифры, как на чудо.

В этот момент в комнату зашла Лена. Она была в своей растянутой кофте, с чашкой чая в руках, но глаза у неё были серьёзные.

— Марго, — сказала Лена, садясь на край дивана. — Я вчера видела, как ты плакала. И слышала ваш разговор с отцом. Сколько ты должна?

— Одиннадцать восемьсот, — ответила Марго. — Плюс неустойка. Почти двадцать пять. Но если заплатить одиннадцать восемьсот до пятницы, неустойку аннулируют.

Лена молчала. Потом поставила чашку на пол, достала телефон, открыла банковское приложение.

— Я перевела, — сказала она. — Одиннадцать восемьсот. Долга больше нет.

Марго не поверила. Она взяла телефон Лены, посмотрела на экран. Сумма — одиннадцать тысяч восемьсот рублей. Получатель — «Городской ключ», агентство недвижимости. Назначение платежа — «Погашение задолженности Маргариты Викторовны по договору аренды комнаты 47/2».

— Откуда? — только и смогла выдохнуть Марго. — У тебя же нет таких денег.

— Восемь шестьсот — твои, — Лена кивнула на телефон Марго. — Ты заработала их своими постами. Я сняла их, когда ты спала. Прости, что без спроса. Но ты бы сама не решилась.

— А остальное?

— Остальное — мои. Я копила на видеокарту. Дорогую,

мощную. Но видеокарта подождёт. А тебя выселят через три дня. Я не могла.

— А как же конкурс в Москве? — спросила Марго. — Билеты?

— Билеты я не сдавала, — Лена улыбнулась. — Поеду. Выиграю. Денежный приз окупит и видеокарту, и билеты, и ещё останется. А ты просто сошьёшь мне доспехи рыцаря — это не деньги, это дружба. И мы квиты.

— Ты зарабатываешь, — добавила Лена спокойно. — Я знаю. Твои тексты, твой блог... ты же теперь блогерка. Будешь как эти... онлифанщицы, только умная. А сейчас — звони риэлтору.

Марго взяла телефон, набрала номер Людмилы Игнатьевны. Та долго молчала в трубку, проверяя платежи.

— Долг погашен, — наконец сказала она сухо. — Неустойка — ещё три тысячи.

— У меня нет трёх тысяч, — ответила Марго.

Людмила Игнатьевна снова замолчала. Потом Марго услышала, как она переговаривается с кем-то на заднем плане — глухие мужские голоса, шуршание бумаг.

— Собственник пошёл навстречу, — сказала риэлтор, вернувшись к разговору. — У вас ребёнок, маленький. Неустойку аннулируем. Но в следующий раз — никаких отсрочек. Платить строго пятого числа. Договорились?

— Договорились, — выдохнула Марго.

Она положила трубку и посмотрела на Лену. Лена подня-

ла одну бровь — по-хакасски широкоую, почти прямую.

— Неустойку аннулировали, — сказала Марго. — Значит, я должна тебе только одиннадцать восемьсот. И я их верну. Все до копейки.

— Должна, — ответила Лена серьёзно. — Ты должна мне костюм на следующий конкурс. Я уже выбрала персонажа. Ты сошьёшь.

Марго улыбнулась. Впервые за долгое время — по-настоящему.

— Сошью, — сказала она. — Хоть дракона.

— Не дракона, — Лена встала, взяла чашку. — Рыцаря с серебряными доспехами. Я уже нашла референсы. Скину тебе ссылку, если хочешь посмотреть.

— Скидывай, посмотрю, — Марго взяла Бродерика на руки и поцеловала его в макушку. — А деньги я тебе отдам живыми купюрами. Как только заработаю. Ты же знаешь, я не люблю быть должницей.

— Знаю, — Лена улыбнулась. — А я покажу тебе игру, — добавила она, направляясь к двери. — Будешь моим хилом.

— Кем?

— Хилом. Исцелять меня в рейдах. Ты же писательница, у тебя реакция должна быть хорошая.

Марго засмеялась. — Исцелять виртуально — это не доспехи шить. Тут я, может, и справлюсь. И в этой смехе не было ни иронии, ни горечи. Только тепло.

— Папа, — позвала она. — Сорок три зрителя.

Виктор Петрович появился в дверях, сонный, в старой майке, с тростью в руке.

— Аншлаг начинается с первого зрителя, — сказал он. — Ты в игре, Марго. Поздравляю. Теперь главное — не снимать грим до финала.

Из коридора дон

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.